случайным. Если бы Мусина-Пушкина не удовлетворяло подобное замалчивание его имени, то он мог бы сообщить о своей находке более обстоятельно и более точно. Однако и в этом случае Мусин-Пушкин проявил к своему открытию полное равнодушие, которое вряд ли можно определить как простую скромность.

Исходя из этого, следует признать возможным и то, что рукопись «Слова» была приобретена Мусиным-Пушкиным уже после 1792 года, т. е. времени, когда П. А. Плавильщиков печатно объявил о ее существовании. Ведь согласно показанию Мусина-Пушкина, названную рукопись он приобрел в последние годы жизни архимандрита Иоиля. Получая солидную пенсию, Иоиль материальной нужды не испытывал, но, почувствовав приближение смерти, мог действительно уступить за известную сумму свою библиотеку в надежные руки. Вряд ли эта продажа могла быть совершена до 1792 года, когда, согласно «Дневнику» Арсения Верещагина, Иоиль Прецницкий был еще деятельным и полным житейских забот и интересов человеком. Таким образом, не исключена возможность распространения сведений о рукописи «Слова» и до приобретения ее Мусиным-Пушкиным.

Первое упоминание об Мусине-Пушкине как владельце рукописи «Слова» появилось через два года после смерти архимандрита Иоиля, в 1800 году, в предисловии к первому изданию поэмы. Здесь мы находим сообщения и о том, что «подлинная рукопись» «Слова» принадлежит его издателю, «г-ну тайному советнику и кавалеру графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину», и о том, что издатель решился опубликовать свой перевод древней поэмы по совету приятелей лишь после долголетних усилий, и, наконец, следующую библиографическую справку: «В его (Мусина-Пушкина, — *Ф. П.*) библиотеке хранится рукопись оная в книге, писанной в лист под № 323».[1]

Таким образом, в предисловии к первому изданию «Слова» Мусин-Пушкин не проявил свойственной ему ранее «скромности» и, называя номер рукописи со «Словом о полку Игореве», «забыл» указать на то, что под этим номером названная рукопись значилась в библиотеке архимандрита Иоиля. Совершенно очевидно, что подобное намеренное забвение фактов и отступление от истины для Мусина-Пушкина стало возможным только после смерти Иоиля Прецницкого.

В отличие от Барсова, мы считаем, что сбивчивость и краткость показаний Мусина-Пушкина в его письме к К. Ф. Калайдовичу от 31 декабря 1813 года объясняется не столько желанием предохранить себя от нареканий в ограблении монастырских библиотек, сколько боязнью навлечь на себя законное подозрение в присвоении заслуг и прав первого владельца рукописи «Слова о полку Игореве», архимандрита Иоиля, видимо, принимавшего известное участие в «открытии» древней поэмы.

Какие же факты убеждают нас в том, что показание Мусина-Пушкина об архимандрите Иоиле как о первом владельце рукописи «Слова» является правдивым, хотя и вынужденным?

Уже одно имя К. Ф. Калайдовича, которому отвечал Мусин-Пушкин, исключало возможность заведомо ложного ответа со стороны последнего. К 1813 году Калайдович как молодой и выдающийся ученый, был хорошо известен исследователям русской старины, а также Мусину-Пушкину и издателям «Слова о полку Игореве».

За выдающиеся научные заслуги еще в 1811 году Калайдович был избран в члены «Общества истории и древностей российских». Молодой

[1] Героическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода Северского Игоря Святославича. М., 1800, стр. VII.